

Тун Цинхэ стал объектом особого внимания коллег. Согласно федеральному законодательству, омеги могут уходить в декретный отпуск с шестого месяца беременности, но последние три месяца его рабочая нагрузка была и так невелика.

В учреждении преобладали люди одного пола, поэтому они, как правило, лучше понимали, насколько тяжело омегам в этот особенный период. Столкнувшись с беременным коллегой, все охотно помогали по очереди. В отличие от конкурентной борьбы за должности, атмосфера среди омег была более дружелюбной, спокойной и непринужденной.

Хоть Тун Цинхэ и числился на работе, но после того, как у него забрали все задачи, оставшиеся простые дела он мог выполнить без труда, не тратя ни физических сил, ни энергии. В целом, его работа в учреждении во время беременности мало чем отличалась от досрочного отпуска.

Старшее поколение в библиотеке придерживалось политики "закрывать глаза" на эту ситуацию. Главное, чтобы ежедневные задания были выполнены, а кто их выполнил — неважно. Добродушные старички не искали проблем у молодежи, предпочитая сидеть за низкими столиками под деревьями, пить чай, надевать очки для чтения и изучать старинные вещи, которые их интересовали, вместо того чтобы ворчать и поучать.

Тун Цинхэ немного приводил в порядок книги в зале древних рукописей. Сегодня, глядя на небольшое количество оставшихся у него дел, он попросил старшего коллегу оставить ему побольше в следующий раз. Беременный мужчонка, сидя без дела, чувствовал себя некомфортно, когда все вокруг заняты, а он один отдыхает.

Старший коллега улыбнулся:

— Помнится, когда я несколько лет назад вынашивал нашего второго малыша, ты больше всех вызывался мне помочь. Теперь ничего страшного, если я разделю твою нагрузку.

Это была правда. Тун Цинхэ был дружелюбен со всеми. У него была хорошая семья, а брак с Цзян Шаочжи был пределом мечтаний для других, но сам он не выказывал высокомерия или заносчивости, присущих его статусу. Он был любезен со всеми, улыбался каждому. Любой, кто имел с ним дело, был готов проявить доброжелательность. Такого друга, как Тун Цинхэ, люди со стороны не могли заполучить и за большие деньги.

Тун Цинхэ в безделье ждал конца рабочего дня. Раньше он погружался в книги, но теперь, когда в животе был баобао, он боялся читать слишком много, чтобы не воспитать такого же книжного червя, как он сам. Его собственная голова была достаточно медлительна, и он не хотел, чтобы ребенок был похож на него. Он хотел, чтобы малыш был больше похож на Цзян Шаочжи: вырос, стал самостоятельным, внушительным и свободным. А если не сможет быть самостоятельным, то у него и Цзян Шаочжи всегда будет чем подстраховаться.

Прошло шесть месяцев. Тун Цинхэ собрал свои вещи, и Цзян Шаочжи забрал его домой, чтобы он вынашивал плод.

Такой человек, как Цзян Шаочжи, внешне казался недостижимым, но ему приходилось тратить больше времени на дела, чем обычным людям. Положение на такой высоте также накладывало свои ограничения.

Цзян Шаочжи не мог постоянно находиться рядом с Тун Цинхэ. К тому же, живот Тун Цинхэ становился все больше, он немного поправился и стал менее подвижен. Долгое пребывание дома начало вызывать у него тревогу. О дородовой тревожности Тун Цинхэ знал по Юй Сяокэ, но сам не сталкивался с этим лично. С момента беременности он сохранял оптимистичный и беззаботный настрой. Вседозволенность Цзян Шаочжи стала бездонной: он выполнял почти все его желания. Возможно, от этой чрезмерной легкости беззаботность Тун Цинхэ медленно сменилась иными эмоциями. Это изменение поначалу было трудно заметить.

В выходной день небо было пасмурным. На горизонте темнело, предвещая скорый сильный дождь.

Воздух был слегка спертым. Организм беременного человека чувствителен, и Тун Цинхэ ощущал эту духоту сильнее, чем обычно. Проснувшись, он почувствовал, будто на груди лежит камень, мешающий дышать.

Тун Цинхэ огляделся, подсознательно ища Цзян Шаочжи. Никакое утешение не было так эффективно, как присутствие его Альфы. С балкона и из ванной не доносилось ни звука. Ему следовало пойти поискать в кабинете, но почему-то Тун Цинхэ не сдвинулся с места, застыв у подушки. Внутри него внезапно возникло незнакомое чувство пустоты. Ему стало невыносимо плохо, просто потому, что он не увидел Цзян Шаочжи сразу после пробуждения. Ему показалось, что его почему-то незаслуженно обидели, и он внезапно безумно захотел увидеть мужа.

Мысли накатывали. Ему хотелось его увидеть до невозможности.

Тетушка вошла, чтобы убраться, и увидела Тун Цинхэ, беззвучно плачущего у изголовья кровати. Это ее очень напугало. Тетушка поспешила проверить состояние Тун Цинхэ, готовая связаться с врачом и Господином. Она внимательно смотрела на него, спрашивая, где у него болит.

Тун Цинхэ невнятно спросил:

— Где Дядя?

Тетушка ответила:

— Господин рано утром уехал по делам. Разве он тебе не сказал? Он ушел еще до рассвета.

Тун Цинхэ прикрыл влажные глаза. Он вспомнил, что, кажется, что-то такое было. В

полумраке на рассвете он сквозь сон слышал, как Цзян Шаочжи что-то говорил ему на ухо, и сам он неясно ответил.

Тун Цинхэ сдержал слезы, его вид был немного наивным. Он пробормотал:

— Я... я забыл. Говорят, что за беременность глупеют на три года. Я еще не родил, а уже так забывчив.

Тун Цинхэ почувствовал неловкость и сказал тетушке:

— Не надо звать врача. Не знаю, что со мной происходит в последние дни, постоянно появляются какие-то незнакомые эмоции.

У тетушки были дети, и она, конечно, знала, что беременные люди могут быть более чувствительными и уязвимыми. Она предложила:

— Куда бы ты хотел сходить сегодня, чтобы расслабиться и прогуляться? Я пойду с тобой. Может быть, ты слишком долго сидел взаперти. Попробуй успокоиться и побольше думать о радостных вещах.

Тун Цинхэ кивнул, полностью соглашаясь с тетушкой. Отбросив меланхолию, Тун Цинхэ и тетушка отправились на цветочный рынок, чтобы выбрать новые растения. Он был так занят до полудня, что, вернувшись домой, почувствовал невыносимую усталость из-за ребенка. Он пошел в спальню, чтобы вздремнуть, но, проснувшись, обнаружил, что Цзян Шаочжи так и не вернулся.

Прошел дождь. Тетушка отрегулировала температуру в доме, чтобы было теплее. Тун Цинхэ примостился в уютном углу дивана и рассматривал книжку с картинками.

Он поужинал один, принял душ, и через пятнадцать минут услышал слабый шум внизу. Цзян Шаочжи наконец-то вернулся с работы.

Он стоял у лестницы, готовый встречать. Он хотел спуститься вниз, но двигался слишком медленно. Не успел он сойти со ступенек, как Цзян Шаочжи уже пересек прихожую и направился к нему.

— Дядя, — Тун Цинхэ, естественно, оказался в объятиях Цзян Шаочжи. Его ноги беспомощно покачнулись. Он приложил руку к лицу Цзян Шаочжи: — Ты ужинал?

Он, как щенок, постоянно принюхивался к Цзян Шаочжи. Он уловил аромат агарового дерева, а также легкий запах пота, несущий остаточное тепло. Должно быть, он принял душ перед возвращением.

— Дядя, куда ты ездил?

Цзян Шаочжи поправил его волосы:

— Были кое-какие дела в военном округе.

Заметив усталость и сонливость в глазах Тун Цинхэ, Цзян Шаочжи, едва вернувшись, первым делом стал уговаривать его отдохнуть.

— Спать.

Тун Цинхэ закрыл глаза. Он действительно был сонным, но, увидев, что Цзян Шаочжи теперь лежит рядом с ним, сонливость как рукой сняло, и он почувствовал прилив сил.

Он с трудом передвинул свое тело и выдохнул.

Прошло еще десять минут. Тун Цинхэ повернулся к Цзян Шаочжи:

— Не могу заснуть. Я спал днем.

Мелкие капли дождя ша-ша летели за окном (он сам себе представлял этот звук, даже если его не было слышно). Дождь, казалось, проник ему в сердце, делая его влажным и холодным, не похожим на теплое тело Цзян Шаочжи.

Постепенно Тун Цинхэ почувствовал какое-то беспричинное волнение. Он ерзал в объятиях Цзян Шаочжи, и его рука, обхватившая Альфу сзади, наткнулась на пистолет.

Цзян Шаочжи, приняв душ, сменил полевую форму. Весь день он провел в военном округе на полевых учениях с новобранцами, промокший от дождя и пота. После душа он снял все снаряжение, но только пистолет еще не убрал на место.

Стоило Тун Цинхэ прикоснуться к пистолету, как холодный металл отозвался остаточным теплом Цзян Шаочжи. Каждая линия оружия была такой твердой и четко отпечаталась на его ладони.

Этот пистолет был давним спутником Цзян Шаочжи, его оружие было для него таким же боевым товарищем.

Его уши внезапно загорелись, а глаза покраснели.

— Дядя, я...

Цзян Шаочжи, конечно, понимал каждое колебание в глазах Тун Цинхэ. Он молча покачал головой.

Он отстранил руку Тун Цинхэ от пистолета. Ладонь Тун Цинхэ опустела, и он почувствовал такую же пустоту в груди и по всему телу.

Утренние эмоции снова нахлынули, став еще сильнее. Он смотрел на Альфу перед собой, очень, очень сильно желая.

Голос Тун Цинхэ был тихим, а в настроении проявилось редкое своеволие. Он нехотя спросил:

— Нельзя?

Беременные люди по природе более хрупкие и чувствительные, чем обычно. Цзян Шаочжи все эти месяцы видел только хрупкость Тун Цинхэ, но намеренно игнорировал его чувственность.

Слова Тун Цинхэ поставили Цзян Шаочжи в затруднительное положение.

Альфа глубоко нахмурился. Тун Цинхэ снова протянул свои лапки.

<http://bllate.org/book/4/170>